Глава 86. Часть 2. Щекотливый вопрос, заданный на банкете по случаю дня рождения

Игра с передаванием цветка под барабанную дробь была известна с давних времен. Столов было много, так что последний человек за каждым из них должен был отдать цветок гостю за соседним. Так продолжалось до тех пор, пока мелодия не прекращалась.

Девушку, что играла на пипе, попросили отвернуться, а служанки семьи Вань немедленно принесли цветок из шелка.

Вскоре зазвучала пипа, и цветок начал свой путь по первому столу.

Когда он достиг рук Лю Цзи, музыка внезапно остановилась.

Все устремили взгляды на незадачливого старейшину кабинета, раздались злорадные смешки.

Однако Лю Цзи был абсолютно спокоен. Он поднялся и, вежливо сложив руки, проговорил:

— Расскажу один незатейливый анекдот. Во времена династии Сун жил-был чиновник по фамилии Ли. И вот как-то раз написал он своему начальству стихи, в которых говорилось: “Мой младший брат сгинул в Цзяннани, а старший скончался за Великой стеной”. Начальник, прочитав их, посочувствовал ему: “Бедняга, все твои братья мертвы”, на что чиновник Ли ответил: “Ничего подобного. Это все ради рифмы”.

Он сделал паузу, чтобы сохранить интригу. Все с интересом прислушались.

— Его начальник сказал, – продолжал Лю Цзи, – “Ты мог написать: “Любимая наложница спит в келье монаха, нежная жена дремлет в комнате даосского послушника”. Зачем было умерщвлять братьев ради подобного?”

Обмозговав с секунду услышанное, все разразились хохотом и громкими аплодисментами. Вмиг стало веселее.

Лю Цзи справился на ура, игра продолжилась.

Когда мелодия остановилась в следующий раз, шелковый цветок оказался в руках Пэн Хуа, левого помощника Министерства Назначений.

Пэн Хуа тоже рассказал анекдот, но тот уже лет десять как устарел. Все подняли шум, крича, что ответ нельзя засчитать.

Во время подобных мероприятий не принято было делать различия между высшими и низшими. Если начальники начнут давить на подчиненных своим авторитетом, станет ужасно скучно. Пэн Хуа ничего не оставалось, кроме как поломать голову и припомнить еще один, чтобы справиться с заданием.

Мелодии отличались по длине. В третий раз шелковый цветок остановился в руках Цю Цзюня, правого столичного цензора.

Все взгляды и внимание присутствующих были обращены к нему.

Как Тан Фань и предполагал, Цю Цзюнь действительно пришел сюда только для того, чтобы не ставить левого столичного цензора в неловкое положение. Оба столичных цензора имели одинаковый ранг и возглавляли цензорат, но, по бытующему обычаю, левая сторона была важнее правой, так что Чан Чжиюань, на самом деле, считался главным в цензорате.

Чан Чжиюань был пожилым добродушным благородным мужем. После того как Цю Цзюнь раскритиковал его за неподобающее управление цензоратом, господин Чан нисколько не обиделся, лишь посоветовал Цю Цзюню не рубить сплеча. Быстро подобные вопросы было не решить. Хоть Цю Цзюнь и не был согласен с его точкой зрения, он проникся уважением к своему старшему коллеге.

В этот раз, если бы Чан Чжиюань лично не пригласил его, он бы, скорее всего, не пришел.

А коли пришел, не мог позорить своего начальника. Готовый принять свой проигрыш, Цю Цзюнь рассказал толпе анекдот.

К сожалению, господин Цю был известным неоконфуцианцем, серьезным и сдержанным, так что шутить абсолютно не умел. Все подняли шум, требуя, чтобы тот признал свой проигрыш и выпил.

Тогда управляющий семьи Вань, в настоящее время выступавший в роли ведущего, с улыбкой произнес:

— По правилам именинник должен задать игроку вопрос. Если тот не сможет ответить, то должен будет выпить.

— Не знаю, о чем и спросить, – рассмеялся Вань Тун. – Кто-то хочет задать вопрос? Я уступаю!

— Этот скромный хочет спросить господина Цю кое о чем, – с улыбкой заговорил Ли Цзышэн.

— Отлично, спрашивай, – великодушно согласился Вань Тун.

Ли Цзышэн вежливо сложил руки:

— Господин Цю, не могли бы вы ответить на вопрос этого скромного чиновника? Если ответите на него, справитесь с заданием.

Цю Цзюню не нравились люди вроде Ли Цзышэна, что поднялись лишь благодаря удаче, но он был на банкете по случаю дня рождения, а не во Дворе, так что не должен был вести себя слишком серьезно.

— Спрашивай, – кивнул он.

— Слышал, господин Цю как-то выдвинул обвинения против Ван Чжи?

Весь зал находился в приподнятом праздничном настроении, никто не ожидал, что тот вдруг заговорит о делах Двора, так что замолчали, несколько пораженные.

Зал погрузился в тишину.

— Да, и что? – Цю Цзюнь поднял на него взгляд.

— Господин Цю честный человек, – вновь вежливо сложил руки Ли Цзышэн. – Этот скромный чиновник восхищается Вами. Осмелюсь спросить господина, отважитесь ли Вы снова выдвинуть против Ван Чжи обвинения, если представится такая возможность?

Он не был идиотом, и в словах его скрывался подвох. Как можно задавать столь щекотливые вопросы на банкете по случаю дня рождения?

Вань Тун же в этот момент повернул голову к Вань Аню и о чем-то оживленно с ним перешептывался, кажется, совершенно не обращая внимания на происходящее.

Как Цю Цзюнь мог ответить на столь провокационный вопрос?

Утвердительный ответ равносилен согласию. Если в дальнейшем Цю Цзюнь не предъявит обвинений, его назовут лжецом.

А если ответит отрицательно, все решат, что он слишком труслив, чтобы противостоять Ван Чжи.

Тан Фань медленно опустил палочки, лицо его становилось все мрачнее и мрачнее.

Очевидно, у Ли Цзышэна и его союзников был конфликт с Ван Чжи, так что они воспользовались случаем, чтобы подставить его, а учителя Тан Фаня, который прежде уже как-то выступил против Ван Чжи, решили использовать в качестве оружия.

Пань Бинь побледнел и прошептал, обращаясь к Тан Фаню:

— Что бы учитель ни ответил, он обязательно кого-нибудь оскорбит. Я сейчас встану и скажу, что учитель плохо себя чувствует, а ты его уведешь!

— Не дергайся, – покачал головой Тан Фань. – Я все улажу.

Цю Цзюнь тоже помрачнел.

Он не был идиотом и прекрасно понимал намерения Ли Цзышэна.

В прошлый раз он выдвинул обвинения против Ван Чжи из-за общественного гнева, а не личной неприязни.

Однако эти люди конфликтовали с Ван Чжи из-за собственных политических выгод, а Цю Цзюня рассматривали как своего сообщника.

Он и его мнение для них шутка?

Усмехнувшись, Цю Цзюнь уже собирался обличить Ли Цзышэна, когда внезапно раздался громкий голос:

— Господин Ли нарушил правила!

Ошеломленный, Цю Цзюнь, как и все остальные, обратил взор на говорившего и увидел своего младшего ученика, что стоял там как ни в чем не бывало с улыбкой на губах.

— Когда это я нарушил правила? – недовольно спросил Ли Цзышэн.

— Правила гласят, – слабо улыбнулся Тан Фань, – что участник должен ответить лишь на один вопрос, и господин Цю уже сделал это. Ты спросил, выдвигал ли он обвинения против Ван Чжи, и он ответил: “Да”. Но ты задал второй вопрос, а значит, нарушил правила. Разве ты не должен выпить в наказание?

Ли Цзышэн не сдавал императорского экзамена, а император благоволил ему из-за его практик даосских заклинаний и даже назначил в столь важное учреждение, как Управление Связями. Он был императорским любимчиком, так что никто не смел его обижать – его самооценка взлетела до небес.

Он расставил ловушку для Цю Цзюня,чтобы спровоцировать его выдвинуть повторные обвинения против Ван Чжи, зная, что старик в прошлый раз угодил из-за Ван Чжи в Нанкин. Характер у Цю Цзюня был надменный, так что подобный метод мог оказаться весьма эффективным.

Кто ж знал, что внезапно он будет атакован неизвестным героем, что поможет старику Цю выбраться из неловкого положения? Ли Цзышэн, прищурившись, глянул на молодого человека:

— Кто ты? Почему я тебя не знаю?

Он решил, что, будучи столь юным, тот не может иметь ранг выше пятого, но неожиданно получил ответ:

— Левый помощник столичного цензора Тан Фань.

Четвертый ранг?

Пораженный, Ли Цзышэн быстро вспомнил, что за человек стоит перед ним:

— Тот самый Тан Фань, что несколько дней назад прославился раскрытием дела округа Сянхэ?

Его лишь недавно повысили, а Тан Фань уехал в Хэнань к гробницам императоров Сун еще до того, как тот прибыл в столицу. Позже Тан Фаня отстранили от должности, тогда как Ли Цзышэн все время околачивался во дворце и никак не мог пересечься с Тан Фанем.

— Это был сущий пустяк, – Тан Фань вежливо сложил руки.

Ли Цзышэн еле сдерживал злость, раздумывая: “Я провоцировал Цю Цзюня, тебе-то какое дело? Зачем нужно было влезать и помогать ему?”

Словно прочитав его мысли, Тан Фань с улыбкой произнес:

— Позвольте объяснить, господин Ли. Господин Цю – учитель этого Тана. Ученики должны помогать своему учителю. Разве господин Ли не должен выпить, раз нарушил правила игры?

Сказав так, он сделал приглашающий жест рукой.

Ли Цзышэн был ошеломлен.

Вань Тун громко рассмеялся:

— Наказание! Наказание! Господин Ли, тридцать чаш вина! Впрочем, тебе решать!

Ли Цзышэн натянуто улыбнулся:

— Нужно уметь признавать поражение и принимать наказание!

Он велел налить ему вина и осушил тридцать чаш подряд.

Все присутствующие в зале молча наблюдали за ним, а под конец разразились аплодисментами.

Видя, что тучи рассеялись, Тан Фань сел обратно за стол.

— Не следовало вести себя столь импульсивно, – проворчал Пань Бинь. – Теперь ты еще и Ли Цзышэна обидел. Характер у него тяжелый.

Тан Фань понимал, что тот говорит так из благих побуждений, так что улыбнулся:

— Не я первый начал, а сдачи дать не боюсь. Если учитель попал в беду, а ученики не сделают ничего, чтобы помочь ему, не только учитель лицо потеряет, но и на нас, его учеников, смотреть станут косо, – видя, что Пань Бинь хочет возразить, он предпринял попытку утешить его: – Старший соученик, я уже обидел Вань Аня из-за дела с помощником Ляном, что уж теперь волноваться. Одним врагом больше, одним меньше. Однако вам всем не стоит повторять за мной. Если в будущем попаду в беду, кто мне поможет, если не вы?

Младший соученик Пань Биня был разумным человеком, все правильно говорил о добре и зле, что тот мог еще добавить?

Вздохнув про себя, он похлопал Тан Фаня по плечу и замолк.

Пань Бинь несколько завидовал быстрому карьерному росту своего младшего соученика, что почти за три года достиг того, ради чего ему приходилось трудиться десятилетиями. Однако он прекрасно видел цену этого успеха. Мудрость и храбрость Тан Фаня открывали перед ним огромные возможности – чему тут завидовать.

Недавняя сцена казалась окружающим незначительной и быстро потонула в оживленной беседе и вине.

Игра продолжилась, кто-то рассказывал истории, кто-то пил. Цветок передали за стол Тан Фаня, и, по воле случая, стоило ему очутиться у того в руках, как мелодия пипы стихла.

Все пригляделись: “О, неужели это тот самый малыш Тан, что только что рискнул головой ради учителя?” – послышались смешки.

Тан Фань тоже горько усмехнулся, гадая, намеренно его подставили или это действительно было лишь совпадением.

Откашлявшись, он изящно улыбнулся и произнес:

— Тогда я тоже расскажу одну историю. Если она покажется вам скучной, не стесняйтесь – говорите. Я обязательно рассмешу вас.

Гости рассмеялись, а Се Цянь и остальные принялись поддразнивать его:

— Не тяни, рассказывай уже!

— Подожди, – прозвучало неожиданно.

Говорившим был не кто иной, как сегодняшний виновник торжества, хозяин поместья Вань, Вань Тун.

Вань Тун казался грубым и прямолинейным, но на деле был человеком далеких планов, который мог, где надо, выслужиться и извлечь выгоду, иначе бы не смог, полагаясь лишь на сестру благородную наложницу Вань, подняться до своей нынешней должности и завоевать доверие императора.

Если уж говорить об обидах, то противоречие между Тан Фанем и первым министром Вань Анем было непрямым и небольшим, в отличие от конфликта с Вань Туном.

Поскольку Южная банда, один из источников богатств Вань Туна, была уничтожена Тан Фанем, Ван Чжи и Суй Чжоу, в результате чего Вань Тун лишился не только крупного источника дохода, но и должности в Императорской Страже, обида была довольно серьезной.

Виноватых было сразу три, однако легко справиться с Ван Чжи и Суй Чжоу не представлялось возможным, особенно с последним, которому император очень благоволил. Вань Тун боялся действовать опрометчиво и расстраивать императора.

Тан Фань же был скромной незначительной фигурой, хоть и приобрел в последнее время большую известность. Вань Тун считал, что запросто справится с ним и лишит должности, а проблема заключается лишь в Ван Чжи и Суй Чжоу.

Вань Тун до смерти ненавидел эту троицу, однако виду не подавал и даже пригласил двоих из них к себе на день рождения.

Сказав: “Подожди”, – он улыбнулся Тан Фаню:

— Господин Тан, не нужно ничего рассказывать. Слышал, ты раскрываешь дела, как бог. У меня есть одно, небольшое, но сложное и запутанное. Хотел бы попросить господина Тана помочь мне разрешить его.

Благодаря делу округа Сянхэ имя Тан Фаня было на слуху – заявление Вань Туна всех очень

заинтересовало.

— Этот Тан не столь талантлив, как о нем говорят, – улыбнулся Тан Фань, – и не достоин того, чтобы его сравнивали с богом в раскрытии преступлений. Все присутствующие здесь господа намного более выдающиеся, чем я. Разве я посмел бы вести себя столь самонадеянно перед истинными мастерами своего дела? Мои способности достаточно посредственны!

Первый министр Вань Ань пригладил бороду:

— Да ладно, цензор Тан, не скромничай. Братец Вань, рассказывай скорее, нам всем очень любопытно!

Дабы теснее сблизиться с благородной наложницей Вань, Вань Ань воспользовался тем, что у них одинаковые фамилии, и заявил об их родстве. Благородная наложница Вань происходила из низов, так что была не против заиметь столь знатного “родственника”. Они быстро поладили. Именно поэтому великий первый министр Вань Ань величал Вань Туна “братцем” – смешно, но ничего удивительного.

— Хорошо, – усмехнулся Вань Тун, – тогда я расскажу. У моего соседа два сына. Он зажиточный торговец и не хочет делить имущество, так что планирует отдать его в наследство одному из сыновей. Старший недобродетелен и непочтителен, тогда как младший умный и чуткий мальчик. Мой сосед не знает, что и делать. Старший сын – первенец, по закону он должен наследовать имущество, но если оно попадет ему в руки, тот растратит его впустую. Младший же сын, хоть и мал, в будущем определенно сможет приумножить богатства отца. Господин Тан, по твоему мнению, кому следует отдать имущество при условии, что делить его нельзя? Кто должен наследовать семейное дело?

***

Послесловие автора:

Шутка, рассказанная Хлопковым Лю - это слегка измененный анекдот авторства Фэн Мэнлуна (писатель и мыслитель XV-XVI вв.)

***

Примечания переводчика:

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) бесплатно доступна уже 87 глава.

Платные главы в группе всего за 100 руб./мес.

Комментарии переводчика публикуются тоже только в группе во избежание срачей)

http://tl.rulate.ru/book/50212/2380406